
**Форпосты Российского государства на монгольском
приграничье:
от сибирских острогов до границы с империей Цин**

Борис Базаров, Александр Гомбожапов, Евгений Нолев

**Outposts of the Russian State on the Mongolian Frontier:
from Siberian Stockades to a State Border with the Qing Empire**

Boris Bazarov, Alexander Gombozhapov, Evgenii Nolev
(all – Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian
Academy of Sciences, Siberian Branch, Ulan-Ude)

DOI: 10.31857/S086956870001575-0

Укрепление в XVII в. военно-политического потенциала Российского государства позволило ему проводить более активную внешнюю политику, крупные успехи которой были достигнуты на восточном направлении. Продвижение русских на восток, начавшееся после падения в XVI в. Сибирского ханства, обрело необратимый характер. Благодаря высокому спросу на «мягкую рухлядь» на европейском рынке Московское государство проявило большую заинтересованность в расширении источников её поступления. Вольность и стихийность процесса дальнейшего проникновения в Сибирь сменились более основательным курсом её хозяйственного освоения, установления там твёрдой политической власти и распространения юрисдикции России. Продвигаясь по крупным сибирским рекам, отряды казаков, служилых людей основывали многочисленные зимовья, которые сначала становились опорными и перевалочными базами, а в дальнейшем разрастались в крупные остроги. Присоединение этого обширного региона стало важной вехой в историко-культурном развитии России, превратившей её в евразийскую державу. Вместе с тем выход на азиатские рубежи поставил перед страной ряд сложных внешнеполитических задач, касавшихся прежде всего взаимодействия с кочевыми государствами Внутренней Азии.

Довольно быстрое продвижение русских в Восточной Сибири, начавшееся с её северных районов, на юге натолкнулось на серьёзное сопротивление со стороны енисейских киргизов. Местное население, состоявшее из кетоязычных, тюркских и самодийских племён, находилось в даннической зависимости от «князцов» енисейских киргизов, не желавших поступаться своими «правами». Их притязания гарантировались политической поддержкой государства Алтан-ханов в Западной Монголии.

В 20-х гг. XVII в. отряды русских казаков вышли на территорию Прибайкалья. К этому моменту здесь сложилась своеобразная система властного подчинения. В условиях доминирования в Монголии центробежных тенденций на периферии монгольского мира сформировались многоуровневые отношения зависимости. Эвенки, проживавшие в верховьях р. Лены, её притоков и в долине р. Ангары, выступали «кыштымами» прибайкальских бурят, которые, есте-

ственно, были против «объясачивания» их русскими властями. Удалённость от оседло-земледельческих центров серьёзно повлияла на внешние хозяйственные связи бурятов, в то время представлявших монголоязычные племенные союзы: хори, баргуты, эхириты, булагаты, ашибагаты, хонгодоры, икинаты и табангуты. Они были вынуждены для приобретения чая, необходимой ремесленной продукции, металлических изделий и прочих вещей предлагать взамен наиболее ликвидный товар — «мягкую рухлядь». Отделённые от китайского рынка родственными монгольскими племенами, которые вели одинаковое кочевое скотоводческое хозяйство, буряты не могли рассчитывать на значительный спрос на получаемую ими продукцию. Географически более близкие к Китаю племена имели возможность с избытком поставлять лошадей, скот и все основные продукты животноводства. Поэтому пушной промысел стал важной составляющей экономической деятельности бурятов: «С этой целью они держали, если не в политической, то в экономической зависимости звероловецкие племена, которых снабжали скотом и хлебом (просом) в обмен на белок и соболей, а отчасти сами переходили к занятию охотничьим промыслом (хоринцы). Полученная, например, от тунгусов на Лене в обмен на скот пушнина шла в Монголию, и там на неё, очевидно, из вторых и третьих рук приобретались необходимые для них товары китайского главным образом производства»¹.

В свою очередь, бурятские племена подвергались постоянным набегам со стороны мелких и крупных монгольских владетелей, которые время от времени требовали от них уплаты дани. При этом даннические отношения не отличались регулярностью, нормативно закреплёнными размерами дани и процедурой сбора ясака — подчас она принимала формы грабительских вооружённых набегов. Всё это определяло преимущества перспективы обретения местными племенами сильного сюзерена в лице «Белого царя», способного обеспечить им безопасность границы и мирные условия существования вместо неопределённости междоусобиц и угроз военных набегов. Однако местное население и проводники царской политики по-разному трактовали принятие подданства «Белого царя».

Процесс освоения Байкальской Сибири, являясь, безусловно, важной государственной задачей, реализовывался за счёт инициативы малочисленных отрядов, ставших авангардом российской колонизации. Служилые люди, следовавшие указу привагитить новые народности в подданство «лаской и приветом», на практике во время продвижения в Азию зачастую сами определяли направления и механизмы колонизации, *post factum* обретавшей вид государственной стратегии. Имевшие место случаи произвола русских казаков, возможно, обуславливались углублявшейся по мере продвижения на восток удалённостью центра; отсутствием на местах институтов царской администрации; большими полномочиями, санкционированными властью монарха и сопряжённым с особой ментальностью первопроходцев стремлением «пожитья». При оценке характера присоединения Бурятии к Российскому государству современные исследователи подчёркивают самостоятельность такого исторического выбора бурятского народа, сделанного в сложных геополитических условиях².

По мере продвижения русской колонизации на восток функции острогов — форпостов российского имперского пространства на территории Прибайкалья, Забайкалья и Приамурья — наполнялись новым содержанием в контексте изменения пограничных задач: от приведения в подданство монголоязычных племён, выстраивания добрососедских отношений и защиты от набегов мон-

¹ Бурят-Монгольская Автономная область Д.В. (Крат. обзор области в хоз., адм. и др. отношениях к 1 июля 1923 г.). Чита, 1923. С. 4.

² См., например: *Базаров Б.В.* Присоединение Северной Монголии к России: геополитический передел монгольского мира в XVII–XVIII вв. // *Российская история.* 2017. № 1. С. 52.

гольских ханов до противостояния и формирования государственной границы с Цинской империей. Остроги в Байкальской Азии, где при ведении преимущественно кочевого образа жизни традиция градостроительства не получила развития, стали не только военными, экономическими и административными центрами, но и опорными пунктами формирования качественно иной для монголоязычных племён политической культуры подданства. Согласно русской трактовке последнего, ясак являлся непременным атрибутом монопольного управления данной группой населения³. Монголы же рассматривали подданство как систему более или менее равноправных отношений (оставлявших право выхода из него или «смены» сюзерена), предполагавших определённые льготы и привилегии в обмен на выплату ясака и военную службу⁴. Успех посольства казачьего атамана М. Перфильева в 1630 г., увенчавшийся сбором ясака с местных князцов, был аннулирован отказом дальнейшей его уплаты. Ясак воспринимался как воздаяние за возврат Перфильевым пленных бурят: «Они атаману Перфильеву соболя не в ясак дали, выкупили де у атамана у Максима свой ясарь»⁵. Алтан-ханы под «дачей шерти» (присяги на верность) понимали заключение договора о дружбе и взаимопомощи, паритетного союза с целью получения военной помощи и торговли⁶. К тому же в монгольской политической культуре персонификация отношений подданства приближённых хана не считалась тождественной распространению статуса подданства на самого правителя: «И тово де у нас в Мунгальской земле не ведетца, что царь царю шертует сам... А ныне великому государю царю и великому князю... шертует мою душу отец мой и учитель лаба Даин Мерген-ланза да брат мой алтыннов двоюродной Дурал-табун... И тое у меня, Алтын-царя, великому государю шерти крепчай нет»⁷. Всё это свидетельствовало о необходимости закрепления политического доминирования Российского государства в новых землях.

Неоднозначно к строительству острогов относилось и местное население. Первоначально прибайкальские князцы, готовые к установлению традиционных кыштымных отношений (заклучались в уплате ясака с целью обретения сильного военного союзника и обеспечения себя гарантиями от всевозможных нападений), усматривали в таком строительстве угрозу своей власти⁸. Особенно ярко протестные настроения (перешедшие в военные столкновения) проявились в 20–50-х гг. XVII в. Примерами подобного противостояния стали сожжение Братского (1636) и осада Верхоленского (1644) острогов. Конечно, произвол и притеснения со стороны администрации форпостов давали дополнительный импульс для вооружённого сопротивления. К тому же фронтирная психология породила конкуренцию между ними в деле объясачивания местного населения и формировала «острожную» идентичность. По словам Е.М. Залкинда, «наблюдая вражду между острогами, буряты воспринимали её по-своему, считая себя подданными определённого острога в большей мере, чем “Белого царя”, посланцы которого к их неоднократно выражавшемуся в челобитных изумлению, действовали наперекор друг другу»⁹. Восприятие местным населением данных форпостов менялось по мере создания условий для защиты от набегов ясачных

³ *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России в XV–XVIII вв. М., 2007. С. 179.

⁴ *Почекеев Р.Ю.* Правовая основа отношений Московского царства с кочевыми подданными (на примере русско-монгольских отношений в XVII в.) // *Studia Culturae*. 2013. № 18. С. 86.

⁵ *Залкинд Е.М.* Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. С. 23.

⁶ *Чимитдоржиева Л.Ш.* Русские посольства к монгольским Алтан-ханам XVII в. Улан-Удэ, 2006. С. 66.

⁷ Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сборник документов / Сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. М., 1974. С. 42.

⁸ *Залкинд Е.М.* Присоединение Бурятии... С. 24.

⁹ Там же. С. 32.

других острогов, необъясченных единоплеменников или отрядов монгольских ханов. В отдельных случаях плата ясака подразумевала обязательное строительство острога на территории кыштымов. Чем ближе к границам владений монгольских ханов проживало местное население, тем больше оно осознавало необходимость строительства острогов, что подтверждалось просьбами о нём на «мунгальских и калмыцких сакмах (путях)», использовавшихся монголами и ойратами в их походах на север¹⁰.

Следует также отметить, что в условиях раздела между Российским государством и Цинской империей стран Внутренней Азии шансы сохранить основы их самоуправления были выше в составе державы «Белого царя» (конструировавшей систему взаимоотношений с новыми поданными в условиях дефицита колонизаторских ресурсов и заинтересованности в новых данниках), чем под властью маньчжурского правителя, стремившегося унифицировать государственные порядки на вновь вошедших территориях.

Наряду с формированием специального цинского законодательства для монголов – «Цааджин бичиг» – идейное содержание политики маньчжуров в XVII в. относительно законодательства для монгольских народов раскрывается в «Правдивых записях о монголах Цинской империи». В документе, датированном 1623 г., сообщается, как во время пира по случаю присоединения к Маньчжурскому государству 17 нойонов урудского племени Нурхацци (основатель Маньчжурского государства) сравнил монгольское и маньчжурское право. Затем он сделал вывод о преимуществе последнего: «Закон нашего государства справедлив и надёжен. Придерживаясь его, мы не подавляем, а превозносим образованных и хороших людей, не терпим плохих и мятежных людей, поэтому у нас нет воровства, обмана и беспорядков. Увидев на дороге что-либо упавшее, мы подбираем и возвращаем хозяину. Поскольку закон нашего государства таков, Небо благоволит нам. Небо осуждает то, что ваши монголы с чётками в руках читают молитвы, думая, что вокруг нет воровства и обмана. Это дурманит сознание ваших нойонов, отчего страдает народ. Сейчас вы прибыли ко мне. Образованных людей я буду содержать за их знания. Малообразованных людей я также буду содержать за то, что они пришли ко мне. Не занимайтесь хищением и мошенничеством, в противном случае придётся поступить, согласно нашему закону»¹¹.

В указе о звании сановников государства (1634) отмечено, что «народы, пришедшие под власть по воле Неба, жили по своим законам, не стремясь к взаимодействию. Они не отказывались от родного языка, переходя на языки других народов. Если не забывать своих корней, то можно существовать вечно. После того как нойоны Монгольской империи, отказавшись от своего языка, стали именовать себя тибетскими словами, власть их ослабла. Сейчас звания сановников нашей империи звучат по-китайски. Нет ничего хорошего в том, чтобы, зная достоинства, отвергать их, зная недостатки, относиться к ним необдуманно. Разве могу я, унаследовав власть, менять закон нашей империи, подстраиваясь под законы других народов? Отныне и впредь для званий сановников нашего государства, а также названий городов следует использовать язык нашего народа»¹². Для Российской империи была характерна другая ситуация. Как отмечает В.В. Трепавлов, только в конце XIX в. тенденция унификации юридического статуса территорий, установления единого стандарта подданства и управления, то ослабевая, то усиливаясь, была возведена в ранг государственной политики¹³.

¹⁰ Там же. С. 36.

¹¹ Daičing ulus-un mongγul-un maγad qauli (True records of the Mongols of the Qing Empire). Vol. 1. Hohhot, 2013. P. 69.

¹² Ibid. P. 228.

¹³ Трепавлов В.В. «Национальная политика» в России XVI–XIX вв. // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 60–61.

Соприкосновение территорий двух крупных государств потребовало выработки общих принципов взаимодействия и сотрудничества. Амурский рубеж Российской империи – Албазин – в конце XVII в. стал средоточием борьбы геополитических интересов России, Цинской империи и Джунгарского ханства. Укрепляя власть маньчжурского правящего дома в Китае, император Сюань Е (девиз правления Канси) не забывал о необходимости обеспечения безопасности северных рубежей, возведя решение «проблемы русских на Амуре» в разряд главной политической задачи империи¹⁴. Вскоре после албазинских событий в 1689 г. был заключён Нерчинский договор, впервые официально установивший границы между Россией и империей Цин. Попытки джунгарского правителя Галдана Бошогту-хана оспорить права Цинов на Приамурье с целью заключения военного союза с русскими не возымели успеха¹⁵, что свидетельствовало об оформлении новой государственной границы в зоне взаимодействия России и стран Восточной Азии.

Дальнейшее разграничение связывалось с подписанием Буринского договора (1727), согласно которому в общих чертах определялось направление русско-китайской границы на монгольском участке. В том же году был составлен Кяхтинский договор (утверждён в 1728 г.) о границах и торговле, включивший текст Буринского трактата. Достигнутые соглашения заложили прочные основы торговых отношений между двумя государствами, развитие которых отвечало интересам не только казны каждого из них, но и большинства их жителей. Остроги и поселения, расположенные вдоль торговых путей, получили новый импульс экономического роста.

Кяхтинским договором определялись правовые нормы приграничной российско-китайской торговли, которая практически вытеснила казённую и частную формы караванной торговли между двумя странами. Именно динамика товарооборота кяхтинской коммерции определяла картину русско-китайских торговых отношений вплоть до второй половины XIX в.

Торговую слободу Кяхту основали в трёх верстах от Троицко-Савской приграничной крепости (она была заложена гр. С.Л. Владиславичем (Рагузинским) сразу же после подписания Кяхтинского договора; он же дал поручение и о строительстве слободы). Первые местные торги открылись 25 августа 1728 г. Вначале они не приносили ожидаемых выгод. Сдерживавшим фактором развития частнопкупеческого торга стало установление государственной монополии на торговлю пушниной, которая пользовалась наибольшим спросом. Она оставалась главной статьёй казённой караванной торговли. Не менее значимым препятствием оказалась сложная таможенная система с её высокими пошлинами. Эти ограничения привели к контрабандному ввозу товаров, объёмы которых росли особенно заметно в периоды приостановки торговли. Такие перемены были вызваны по большей части приграничными инцидентами, а также нарушениями статей Кяхтинского договора¹⁶.

Подчёркнём, что торговые связи между Россией и Китаем всегда были политически мотивированными. Несмотря на их взаимовыгодный характер, китайские власти руководствовались в первую очередь соображениями идеологии и государственных интересов в регионе: «Проблемы внешней торговли цинское правительство рассматривало и оценивало сквозь призму политики управления “варварами” и с учётом бесспорного приоритета политико-престижных интересов империи. Прекрасно сознавая, сколь действенной мерой в их руках является ограничение торговли, цинские власти на протяжении всего

¹⁴ Мясников В.С. Кастальский ключ китаеведа. Сочинения в 7 т. Т. 1. М., 2014. С. 168.

¹⁵ Там же. С. 264.

¹⁶ См.: Кяхта–Маймачен. Прообразы свободных экономических зон в Российской империи: история, современность, перспективы / Отв. ред. Л.Б. Жабаева. Улан-Удэ, 2014.

XVIII в. активно использовали этот рычаг, особенно во взаимоотношениях с монгольскими ханствами и Россией»¹⁷.

Торговые операции контролировались приграничными властями. Так, по инструкциям цинских властей, на местах были обязаны регулировать объёмы товаров, поддерживать высокие цены за счёт ограниченного предложения, следить за пропорциями привоза товаров в Кяхту: «Кто привезет излишнюю пропорцию товаров против определенной ему обществом, у того задержать их до предбудущей его очереди и ни под каким предлогом не впускать их в Кяхту, дабы тем не нарушать порядка общей пропорции и не выпускать из виду цели к уменьшению ея»¹⁸.

Некоторую динамику роста торговли в Кяхте придало перенесение туда государственных закупок ревеня, корни которого экспортировались на европейский рынок¹⁹. От перепродажи этого товара в другие страны, в частности Швецию, значительную выгоду получала Россия, обменивавшая его на необходимые для неё табак, стекло, ткани, посуду и проч.²⁰

С прекращением казённой караванной торговли (1762) и отменой правительством монополии на торговлю пушниной товарооборот в Кяхте резко возрос. С того времени русско-китайскую торговлю полностью перенесли в приграничье Кяхта–Маймачен. Вместе с тем усилилась роль Кяхты как транзитного пункта в Китай для европейских товаров. Через этот город экспортировалась иностранная пушнина (морские бобры, рыси, выдры, кролики), но всё же заметно преобладало сукно²¹. Однако основным товаром, принёсшим Кяхте славу «Песчаной Венеции», стал чай. Он доминировал в кяхтинских торговых операциях середины XIX в. (на его долю приходилось 95% стоимости русского импорта).

С 1840-х гг., вследствие принятых российским правительством протекционистских мер, а также роста объёмов морской торговли Китая с европейскими странами, доля транзитных товаров из Европы снизилась. Во второй половине XIX в. кяхтинский торг приобрёл значение внутрироссийского²².

Медленный упадок торговли в Кяхте был связан с потерей её монополии на поставки чая²³. Его нелегальный ввоз через западные границы России в больших объёмах успешно конкурировал с «Великим чайным путём». С открытием дополнительного пункта легальной русско-китайской торговли в Синьцзяне (по Кульджинскому договору 1851 г.) Кяхта окончательно утратила роль основного российско-китайского торгового центра.

Импульс развитию приграничных пунктов как средоточия торговли и обмена дало подписание серии договоров – Айгунского (1858), Тяньцзиньского (1858) и Пекинского (1860), разрешивших торговлю по всей русско-китайской границе. Заключение этих соглашений определялись внутренней логикой дальнейшего урегулирования правовой базы формирования этой границы в условиях хозяйственного освоения Дальневосточного региона, а также усилением влияния европейских держав на цинское правительство.

¹⁷ История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 1. Владивосток, 1987. С. 220.

¹⁸ *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 378.

¹⁹ Там же. С. 148.

²⁰ *Чимитдоржиев Ш.Б.* Русско-монгольские торговые связи в XVII–XVIII вв. (через Забайкалье и Кяхту) // Кяхте – 250 лет. Улан-Удэ, 1978. С. 88.

²¹ *Тагаров Ж.З.* Русско-китайская торговля через Кяхту и её значение для развития торговых отношений России и Монголии // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1. Иркутск; Улан-Батор, 2014. С. 172–177.

²² *Хохлов А.Н.* Кяхта и кяхтинская торговля (20-е гг. XVIII в. – середина XIX в.) // Бурятия XVII – начала XIX в. Экономика и социально-культурные процессы. Новосибирск, 1989. С. 15–50.

²³ См.: *Субботин А.П.* Чай и чайная торговля в России и других государствах. СПб., 1892.

По Тяньцзинскому трактату на Россию распространялись все торговые права, которыми пользовались в Китае западноевропейские державы. Пекинский договор установил окончательную границу со стороны Алтая с Северо-Западной Монголией и расширил торговые права России. 20 февраля 1862 г. в Пекине был подписан дополнительный трактат, по которому вводились новые торговые и пошлинные правила, и, как результат, по границе обоих государств на расстоянии 100 китайских ли в обе стороны устанавливалась беспошлинная зона. Русским купцам, торговавшим мелким капиталом, предоставлялось право делать это беспошлинно в местах присутствия китайских властей на всей территории Монголии. В 1869 г. эти права расширили и разрешили беспошлинную торговлю непосредственно в монгольских кочевьях, что позволило развивать разъездную торговлю в хошунах (административные единицы в Монголии)²⁴.

Во второй половине XIX в. после подписания с Россией Пекинского договора (в дополнение к Кяхтинскому пункту) вдоль цинской границы устраивали специальные пункты её перехода для торговцев и караванов. Начиная с 1869 г. со стороны Енисейской, Иркутской губерний и Забайкальской обл., граничивших соответственно с кобдоским, улясутайским, ургинским и хайларским наместничествами, были устроены 11 пунктов перехода границы. В 1875 г. вдоль порубежной линии с Россией открыли ещё 22 пункта²⁵, что определило здесь взаимовыгодную для двух держав торговлю как основную форму их экономических отношений. Выбранный цинским правительством курс на изоляцию и стремление перенести в военных целях русско-китайскую торговлю в приграничные районы, с одной стороны, и географическая удалённость и медленное развитие путей сообщения в азиатской части России – с другой, обусловили эволюцию торгово-экономических отношений – от казённых форм караванной торговли предметами роскоши и «мягкой рухляды» до приграничной сухопутной торговли с преобладанием в её структуре товаров широкого потребления.

«Расширение» Московского государства на восток имело громадное значение. Стремительное по историческим меркам продвижение небольших отрядов промышленных и служилых людей привело к присоединению огромных слабозаселённых территорий Сибири. С выходом на южные лесостепные и дальневосточные рубежи дальнейшее продвижение России натолкнулось на серьёзное сопротивление местных властей. Существенную роль стал играть внешнеполитический фактор. Становление Маньчжурского государства, сопровождавшееся активным присоединением новых территорий, внесло новый расклад в политическую обстановку в Центральной и Восточной Азии. Вхождение в состав России новых земель на востоке и их освоение сменил процесс их закрепления и охраны. Иное значение на этих границах приобрели остроги, к функциям которых добавилась защита внешнеполитических интересов Российского государства на его азиатских рубежах.

Подписание серии договоров о разграничении территорий и торговле между Россией и империей Цин определило логику и характер развития их взаимоотношений. Весьма важное значение при этом получила приграничная торговля, основным пунктом которой стала Кяхта. Этот форпост на монгольском приграничье на протяжении долгого времени «сверял интересы» России в регионе. События, произошедшие там в первые десятилетия XX в., расставили иные акценты, обозначив начало нового периода, закономерности которого находились уже в другой геополитической плоскости.

²⁴ *Попов В.* Через Саяны и Монголию. Ч. I. Омск, 1905. С. 161.

²⁵ Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии / Отв. ред. Б.В. Базаров. Иркутск, 2016. С. 212.